
Бычков А. А. Философские боли в голове : критический обзор на сборник эссе про ужасы спекулятивного реализма под редакцией Мэтта Розена // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 393–414.

АРТЕМ БЫЧКОВ*

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЛИ В ГОЛОВЕ**

КРИТИЧЕСКИЙ ОВЗОР НА СБОРНИК ЭССЕ ПРО УЖАСЫ
СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА ПОД РЕДАКЦИЕЙ МЭТТА РОЗЕНА

DISEASES OF THE HEAD : ESSAYS ON THE HORRORS OF SPECULATIVE PHILOSOPHY / ED. BY
M. ROSEN. — SANTA BARBARA : PUNCTUM BOOKS, 2020.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-393-414.

В 2020 г. вышел сборник эссе «Diseases of the Head: Essays on the Horrors of Speculative Philosophy» под редакцией Мэтта Розена, известного отечественному читателю по книге «Спекулятивный аннигиляционизм: пересечение археологии и вымирания» (Розен, Коломиец, 2021), вышедшей в переводе в 2021 г. Этот сборник объединен двумя большими темами — хорроры (в литературе, кино и т. д.) и «спекулятивная философия», то есть философия, наступившая как определенный вид письма после объявления спекулятивного поворота (Харман, Писарев, 2020b: 7–44). «Философия» здесь важнее, что видно уже по словам благодарности Розена авторам за взгляд на некую «грядущую философию»¹ (Diseases of the Head, 2020: XI). Хотя на взгляд человека, незнакомого с дискурсом спекулятивного реализма и его представителей, речь идет о слабо совместимых вещах (и на самом деле это ощущение, как будет показано дальше, весьма обоснованно), сами спекулятивные реалисты и близкие к ним по духу авторы так или иначе возвращаются вокруг одних и тех же тематик — Лавкрафт и его творчество, монстры и их субпродукты, ужасы, фикциональная литература, Ктулху и другие вымышленные боги. Не считая введения Мэтта Розена, в сборнике представлено 14 эссе 15 авторов (включая Розена), среди которых есть

*Бычков Артем Александрович, магистр философии; приглашенный преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), aabychkov@hse.ru, ORCID: 0009-0003-6635-5920.

**© Бычков, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Здесь и далее все цитаты из рецензируемого сборника даны в моем переводе. В случае необходимости вводились дополнительные вставки в квадратные скобки для пояснения мысли в приводимой цитате.

неакадемические и академические философы, писатели, поэты, художники, блогеры, активисты — практически все они неизвестны в России, да и, за пределами некоторых узких философских кругов, в западном академическом поле, — за исключением Бена Вударда, которого мы, например, уже знаем по его переведенной на русский язык работе о философии слизи и «темном витализме» (Вудард, Хамис, 2016).

Книга имеет интересное название: «Diseases of the Head», то есть «Болезни (проблемы) головы (с головой)». Смысл названия заключается в определенной отсылке и ее дискурсивной экспроприации, о которой будет сказано дальше. Розен старается сделать из названия некоторый философский манифест:

...стремление систематизировать болезни головы, чтобы избежать их, имеет долгую и величественную историю в философии; но восхваление этих болезней, идея о том, что, возможно, в своей пристрастности, дерзости и нахальстве (*partiality, audacity, and impertinence*) они представляют подлинное мышление, также имеет свою историю. Именно к этой последней линии относится данная книга (Diseases of the Head, 2020: 19–20).

Сама же отсылка (ibid.: 17) приковывает наше внимание к статье Иммануила Канта «Versuch über die Krankheiten des Kopfes» (1764; «Опыт о болезнях головы»), поводом для которой стала просьба Гамана написать текст в издаваемую им «Königsbergische gelehrte und politische Zeitungen» о таинственном проповедующем сумасшедшем незнакомце-пастухе, появившемся в окрестностях Кёнигсберга. Этот случай примечателен для дальнейшего понимания того, на что стоит обратить внимание в этом сборнике, несмотря на то что Розен в своем введении указывает следующую причину критично-негативного обращения к Канту (и заигрывания с названием его статьи) как фигуре философского законничества (*legalism*):

Парадигматическим примером стремления ограничить спекуляцию, выставить напоказ ее кажущиеся вечными ограничения и сделать эту демонстрацию отличительной задачей философа является критическая программа Канта (ibid.).

Арсений Гулыга описывает контекст вышеупомянутой кантовской работы в повальной декадентствующей моде руссоистской эстетики и мысли у интеллектуальной буржуазии той эпохи, пытающейся отыскать витально-религиозную «подлинность» в символических отказах от «благ цивилизации», что случайным образом совпало со следующим событием:

...в лесу под Кёнигсбергом объявился «природный человек», сбросивший с себя покров цивилизации и вернувшийся к первоистокам веры. Это некто Ян Павликович Здомозирских-Комарницкий, пятидесяти лет, с ним восьми-летний мальчик. Оба одеты в шкуры; босы в любую погоду, в любое время года; переходят с места на место, живут тем, что дает им их стадо — 14 коров, 20 овец, 45 коз. В руках «козьего пророка» всегда Библия, которую он беспрестанно (к месту и не к месту) цитирует. В лес началось паломничество. Побывал там и Кант. На месте выяснились следующие подробности. Всему виной тяжелое желудочное заболевание, перенесенное Комарницким семь лет назад, — в течение двадцати дней он ничего не ел, затем ему явился Христос, наставивший на путь истины. [...] Вывод Канта: корень болезней головы лежит в органах пищеварения. В природном состоянии человек не столь расположен к недугам Души, как современный [...] психоз представляет собой своего рода уродливый протест против уродливых форм социальности (Гулыга, 1977: 71–72).

Помимо прочего, интересен и автобиографический мотив этой работы для самого Канта — это понятие ипохондрии, которое прошло долгий путь насыщения в традиции от Лукреция и до «Анатомии меланхолии» Роберта Бёртона, с которой были знакомы Кант и Гаман, оба признававшиеся в том, что страдают этим недугом (Кюн, Васильева, 2021: 216–217). Примечательно то, что, согласно с гиппократовско-галеновской традицией, ипохондрия не относилась Кантом и его предшественниками к чистым «душевному болезням ума», но ее источник находился в физиологически неправильном состоянии внутренних органов тела:

В ипохондрии сидит какой-то недуг, который, где бы ни находилось его главное место, блуждает, вероятно, по его нервной ткани в разных частях его тела. Но этот недуг стягивает своего рода меланхолический туман преимущественно вокруг местонахождения души, вследствие чего больному мерещится, будто у него почти все болезни, о которых он только слышит (Кант, Фохт, 1966: 235).

Такая же логика в отношении самого Канта передается и Манфредом Кюном, считающим, что кантовские взгляды на ипохондрию связаны с его собственной «узкой грудью, затруднявшей дыхание и работу сердца. Он страдал от легкой формы сколиоза, искривления позвоночника. Его мышцы всегда были слабыми и неразвитыми, а кости чрезвычайно хрупкими. Он быстро уставал» (Кюн, Васильева, 2021: 218). Возвращаясь к названию сборника эссе, также заметим, что на обложке размещено фото разреза человеческого мозга, помещенного на долгое время в формалин. К слову, в английском языке, как и в русском,

слово «head» означает, помимо одной из важнейших частей тела, еще и фигуру начальника/руководителя — возникает логичная связь, что физиологический тезис о «болезнях головы» имеет для авторов сборника принципиальное значение, точно так же, как и утверждение некоторого догмата «управленчества» материализма в качестве источника их философских спекуляций. Это вполне соответствует материалистическим и «антиантропоцентричным» оптикам многих других исследователей, работающих в дискурсивном поле спекулятивного поворота (Мол, Гусейнова и др., 2017), а также некоторых их предшественников, которые хотят «переиграть» значимость физиологической величины в философских дискуссиях, что на уровне биографий и перечислений недугов философов, что на уровне их метафорических обращений к телесному, биологическому, микробному и проч. (Шеффер, Зенкин, 2010; Braidotti, 2019).

Именно в такой атмосфере открывается сборник — статьей его главного редактора Мэтта Розена под названием «Introduction: On the Diseases of the Head» («Введение: О болезнях головы»). Начинается все с заявления о том, что «теория всего» (и тут, судя по всему, делается явная отсылка к одному из представителей спекулятивного реализма — Грэму Харману, называющему свою объектно-ориентированную онтологию «теорией всего» (Харман, Фетисов, 2021)) больше не соответствует философским потребностям (и возможностям!) сегодняшнего дня, так как функционирование таких теорий стало слишком трудозатратным в силу наплыва большого количества информации (в том числе и философской), изменения в «циркуляции вещей» и познавательного доступа к ним, из-за чего теперь невозможно надеяться на идеальные условия понимания, — а потому «есть способ, при котором оставаться в неведении о многом стало проще, чем когда-либо прежде» (Diseases of the Head, 2020: 13–14). Таким «благим неведением» и становится, судя по всему, не только способ отбора текстов в рассматриваемый сборник, но и смысл философского письма, который преследуется многими авторами сборника — некоторые из них, как будет видно дальше, так и не поняли, что время «немецкого идеализма» прошло, а пытаться завершать его систему на любом доступном микроуровне считается самоочевидным *mauvais ton* (Wolfendale, 2019). Примечательны в данном случае именно «вещи», о необычном «феноменологическом» внимании к которым пишет Розен, указывая на их восприятие в его оптике, а также в общем пафосе всех заявленных эссе в сборнике:

Будучи данными, они безразличны к своей собственной данности; или они даны без данности. Это не означает, что спекуляция в принципе противостоит описанию конкретной жизни, которое стало возможным благодаря феноменологии. Что касается опыта, то феноменологический анализ вполне может оставаться в силе. Но спекуляция не может принять в качестве отправной точки ограничения тематизации со стороны субъекта. Эссе, представленные в этом сборнике, объединены отказом признавать предполагаемые границы мышления (*the supposed limits of thought*), готовностью думать в первую очередь о самих вещах (Wolfendale, 2019: 14).

Зафиксируем этот очень симптоматичный момент — во-первых, рассматриваемые авторы принципиально отказываются начинать свое письмо от ограничений со стороны субъекта (справедливее будет сказать даже «ограничений вообще» — ни в одном из последующих из эссе ни начало, ни конец рассуждений никак не пытаются критически отрефлексировать местоположение субъекта и его последствия), что, судя по всему, распознается ими как ненавистный «кантианский» жест и в итоге приводит к отказу от признанных «границ мышления»². Во-вторых, это желание философствовать о самих вещах, в состоянии до выяснения границ субъекта, в состоянии до осознания необходимости философского письма, — такое письмо похоже скорее на укрощение неосознаваемого «философского» зуда, который заставляет теоретизировать даже без особого повода, хотя определенный «повод» все же будет отчетливо явлен дальше. Окончательным лейтмотивом всей дальнейшей работы можно принять следующие слова Розена:

...существуют события, объяснение которым не в состоянии дать ни одна теория всего сущего [...] и все же каждое из этих событий все равно что-то значит [...] Каждое эссе в этой подборке представляет собой теорию чего-то, а не всего и не ничего. Каждое эссе указывает на особый путь мышления или намечает его в общих чертах; но решение следовать ему всегда остается за тем, кто может принять решение, находясь за его пределами [...] это

²Все это иронично перекликается со словами Канта о догматической философии: «Мы действительно обладаем априорными синтетическими знаниями [...]. Тот, кто не в состоянии понять возможность их, может, правда, вначале сомневаться, действительно ли они присущи вам *a priori*; но он еще не имеет права видеть в этом их невозможность, пользуясь только силами рассудка, и признавать несостоятельными все шаги разума в этом направлении. Он может только сказать: если бы мы усматривали их источник и подлинность, то могли бы определить объем и границы нашего разума, а пока это не достигнуто, все утверждения разума высказаны наугад. Именно таким образом было бы обосновано всеобщее сомнение во всякой догматической философии, идущей своим путем без критики самого разума» (Кант, Лосский, 1994: 560; курсив мой. — А. Б.).

не результат стремления повторить критическую философию, критический анализ того, что было раньше, чтобы можно было провести строгую границу между прошлым философии и ее будущим. Это всего лишь неполный набор, бесконечный ассамбляж каких-то изображений и вещей (Wolfendale, 2019: 14–16).

В итоге спекулятивная «феноменология» приверженности «вещам» на самом деле несколько не является «вещественной» — в данном случае речь идет о приверженности каким-то «путям» мышления, которые, однако, совершенно неочевидно берутся без предварительной «разметки» области, которую, например, предоставляет пафос первой критики Канта, в результате чего сам Розен указывает на принципиальную невозможность разделения «их пути мышления» и предыдущей философии, в силу полного отсутствия какой-либо критической перспективы (хотя ранее заявлялось пафосное начинание некой «грядущей философии»!). Принимая излюбленное многими современными спекулятивными философами обращение к медицинско-биологическому архиву метафор³, мы бы могли, подражая стилю автора, интерпретировать открываемое в данном случае местоположение и сущность спекулятивной философии по отношению к «предыдущей философии» как положение паразита на теле (или внутри него), пытающегося слиться с ним в результате мимикрии.

Перед тем как рассмотреть другие работы в данном сборнике, стоит прояснить мотив обращения к «спекулятивным хоррорам», который является единственным стабильным связующим основанием между всеми представленными текстами в сборнике. Розен сам говорит о том, что «спекулятивный хоррор — благодатная почва для развития тех философий, которые стремятся отвергнуть кантовское предписание

³Например: «споры позволяют грибовидной жизни (как аморфной ползучести) распространять себя вертикально и выживать в неблагоприятных условиях либо в виде защищенных толстой оболочкой шарообразных образований, либо в виде более паразитарных объектов» (Вудард, Хамис, 2016: 56); «различие между интеллектом и его паразитом-знанием повторяется в различии между исследовательской культуротехникой и наукой» (Ланд, Хамис, 2020: 26); «сплавление между реальным объектом и его реальными или чувственными качествами; сам по себе он не имеет дела с этими паразитическими облаками свойств» (Харман, Морозов и Мышкин, 2015: 127); «во всех этих вариантах онтологии присутствия и трансцендентного мы находим понятие чего-либо, что рассматривается как наличное, присутствующее, или обладающее иммунитетом к изъятости» (Брайант, Мышкин, 2019: 270); «в стороне от Божественной заботы, принявшей форму одиссеи (пластическая хирургия), прокаженный [...] претерпевает постоянную глиняную хирургию» (Негарестани, Ханова, 2019: 197).

избегать болезней головы, пытаясь спекулировать сызнова» (*Diseases of the Head*, 2020: 23), к которому он относит широкую перечисляемую рамку различных видов «хорроров» в литературе и искусстве, затрагивающих темы иного, пришельцев, анонимности, пустоты, а также экстра/вне/без/античеловеческого и т. д. (*ibid.*).

Первая полноценная статья сборника — это эссе небезызвестного Бена Вударда под названием «*Outgrown Purpose, Outlived Use: On Parasitic Teleology*» («Переросшая цель, изжившая себя польза: о паразитической телеологии»), в которой он на основе анализа серии фильмов «Чужой» («*Alien*») показывает сложную историю соотношения понятий развиваемого им спекулятивного витализма, имеющего некоторую органическую телеологию (что также должен подтверждать пересобранный им порядок просмотра фильмов о Чужом) в призме истории развития биологии в XVIII–XIX вв. Полноценным историческим подходом к истории науки (конкретно — биологии) данное эссе счесть тяжело — Вудард достаточно вольно и идеологически рассматривает историю биологии и сакральную сущность «витализма» (для сравнения рекомендуем обратиться, например, к сборнику эссе биолога Эрнста Майера: *Mayr*, 1988), которая должна подчеркнуть нечто большее в его концепции Жизни, чем просто субстанциональное или силовое состояние. Его рассуждения протекают в том, что представлено в глазах читателя полем битвы сил между различными механистическими и натуралистическими подходами в биологии, трактующими понятия жизни, цели, средств и эволюции. Подтверждает это также и аллегорическое завершение эссе, в котором Вудард указывает на смысл своего обращения к телеологии и противопоставляет свой подход идеям «конечности» Мейясу (которого он, к слову, ни разу не упоминает) и его сторонников:

...без учета реальных условий творения телеология вернется в виде болезни, а потому телеология — это болезненное напоминание о чувстве осознания своего происхождения, несмотря на невозможность найти исток, достаточный для ложного нарциссизма сторонников «конечности» (*Diseases of the Head*, 2020: 68).

Второе эссе «*Death of Horror*» («Гибель ужаса»), написанное художницей и писательницей Амандой Бич (*Amanda Beech*), относящей себя к направлению «реалистического искусства» (*realist art*), открывается парадоксальным заявлением о том, что из-за «победившего постмодернизма» (который почему-то связан с «глобальным капитализмом») мы больше не способны мыслить «будущее равенство», а потому ее

беспокоит вопрос о том, «может ли хоррор соответствовать непессимистичному взгляду на язык и сохранять проект [спекулятивного] реализма» (Diseases of the Head, 2020: 71). По мнению Бич, спасением жанра (и культурно-эмоционального феномена) хоррора, который потерял возможность вызвать подлинный ужас (*genuine terror*) у человека, может стать мысль о «ничто» (*nothing*) и «небытии» (*nothingness*), так как именно они могут как-то «спасти функционирование языка после наступления постмодерна», — и именно поэтому она в своем эссе обращается к феномену «страха пустоты» (лат. *horror vacui*). Интересно и то, что диагноз-проблема (смерть/гибель хоррора), поставленная автором эссе, может быть рассмотрена и как предложенное решение проблемы — смерть от хоррора⁴. В конечном счете, что будет занимательно для читателей, хорошо знакомых с историей аналитической философии, Аманда Бич ставит вопрос о возможности языка «выражать реальность, независимую от субъективности» (ibid.: 28).

Третья статья «Those Who Aren't Counted» («Те, кто не в счет») за авторством редактора сборника Мэтта Розена поднимает достаточно болезненную тему памяти о «неподсчитанных» (пострадавших, убитых из-за их сопротивления) и самой идее количественного измерения коллективных страданий (например, от военных действий) — о неизвестных жертвах и людях, пострадавших в каких-либо катастрофических, военных и иных событиях (на примере Алжирского восстания 8–17 мая 1945 г.). Для Розена становится принципиальной попытка разделить понятия *affliction* (бедствие, страдание «простых жертв») и *atrocitiy* (страдания жертв, убитых из-за проявленного ими насилия в адрес, например, оккупантов), указывая на то, что первое нельзя переводить во второе (и наоборот), так как иначе мы реализуем попытку «количественно оценить или квалифицировать страдание, подвергая его подсчету тел, который был бы использован для суммирования всех страданий в данной ситуации» (ibid.: 116–117). Несмотря на свою приверженность «материализму», в данном случае Розен считает, что «материалистический» подход к страданиям и смертности является аморальным. Под конец эссе Розен пускается в «теологические» рассуждения о страданиях Иисуса Христа во время Распятия вне оптики христианства, при этом одновременно отрицая возможность (и приемлемость) теологической

⁴ Дело в том, что в английском языке «of» выражает как принадлежность (к кому-то/чему-то), так и отношение (от кого-то/чего-то), которое также передавалось бы конструкцией «death by horror».

христологии, но тем же самым жестом воспроизводя ее в достаточно странном виде, например:

Христос-без-христианства бесконечно далек от Христа-в-христианстве, поскольку между ними лежит пропасть, отделяющая аналогичное от неаналогичного. Христос-без-христианства безразличен к своему положению внутри аналогии [...] Именно «благодаря» Павлу страдания Христа становятся злодеяниями в сердце христианства. [...] Это предполагает наложение аналогичной христианской среды на Христа таким образом, что, согласно этой аналогии и ее основополагающим положениям, самого для себя Христа не может быть (*no Christ himself*). Христианство — это, по сути, название, данное колонизации Христа Павлом и теми, кто наследует и распространяет его конструкцию (Diseases of the Head, 2020: 154–155).

Розен пытается дать свою интерпретацию событий библейского Исхода на основании введенного им этического различия между «страданием» и «злодеянием», которое вызывает данное страдание. Данное эссе читается достаточно увлекательно, однако многие антипавлинианские рассуждения Розена⁵ о теологии страданий Христа и мотивах насилия/страдания в книге Исхода (*ibid.*: 142–160) без знания патристического богословия, христологических споров, современной библейской гебраистики и теологии Исхода не имеют никакого веса и смысла. Как «теология» рассуждения Розена несостоятельны из-за отсутствия минимальной попытки определения своего местоположения в дискурсе (ни на одну из работ — базовых или современных исследований — Розен не ссылается, а пытается совершить теологические спекуляции *ex nihilo*). В качестве «антитеологии» рассуждения Розена все так же остаются несостоятельными: ни той же попытки укоренения в каком-либо критическом дискурсе, ни вообще полноценных рассуждений мы не видим — все это похоже на *fanfiction*-рассказы категории «Б» о библейских персонажах. Более того, иногда размышления Розена очень непоследовательны — он использует методы логической редукции некоторых выражений до определенных логических заменителей (заменяет слова на «х»), как в аналитической традиции философии, но далее их практически никак не использует по своему методологическому назначению (*ibid.*: 154–160).

⁵Интересно, что Розен, будучи большим поклонником Алена Бадью, в своей «оценке» роли апостола Павла в христианстве радикально расходится с ним, в то время как Бадью признает положительную и продуктивную сторону Павла в истории церкви и христианского учения (Бадью, Голова, 1999: 49–93).

Следующая статья писателя-публициста и теоретика Дэвида Пика (David Peak) под названием «Horror of the Real: H. P. Lovecraft's Old Ones and Contemporary Speculative Philosophy» («Ужас реального: Великие Древние Г. Ф. Лавкрафта и современная спекулятивная философия») представляет из себя попытку введения творчества Говарда Лавкрафта в качестве важной аксиоматической позиции спекулятивной мысли — на смену Канту приходит Лавкрафт с его мифологическими монстрами, который должен стать союзником современных спекулятивных философов вроде Грэма Хармана и Квентина Мейясу (впрочем, они и сами признают влияние Лавкрафта на себя, а у первого и вовсе есть книга, целиком посвященная Лавкрафту и его «феноменологическому» прочтению (Харман, Коломиец и Ханова, 2020a)). Возможно, именно это соответствует ранее выдвинутой общей идее сборника:

...с позиции того юношеского «идеализма», который является единственным истинным реализмом, мы пытаемся рассуждать, не обращая внимания на объявленную войну или мир на метафизическом поле битвы Канта. Мы хотим думать иначе (Diseases of the Head, 2020: 26).

Впрочем, попытка сделать из Лавкрафта «нового Канта» для спекулятивного мышления находит тупики и в самом творчестве Лавкрафта, в силу его приверженности противоречащему идеям спекуляций «догматическому материализму», о котором говорит и сам автор эссе (ibid.: 171–172).

Пятая статья «Triangulorum» («Треугольный») автора нескольких книг и доцента кафедры междисциплинарных исследований Университета Прибрежной Каролины (Coastal Carolina University) Сары Рич (Sara Rich) написана в полуэпистолярном художественном стиле и отсылает к одной из любимейших у сторонников различных «теорий заговора» фигуре — Бермудскому треугольнику, начиная с тезиса о том, что «в нашу эпоху, когда жизнь в рамках Рационального Эксперимента пошла наперекосяк, все кажется возможным, кроме обратимости» (ibid.: 181), которым открывается трехчастное эссе (или скорее художественный рассказ категории «Б», так как эссе предполагает размышления). В первой его части содержится (поддельное) письмо испанского юриста, писателя и путешественника Эухенио де Саласара к Христофору Колумбу о его неудачном путешествии на Гаити; во второй части приводится технический псевдодокумент с результатами глубоководного погружения (на месте выдуманного кораблекрушения из первого письма), в котором

фигурируют рассуждения о наступлении после антропоцена Ктулхуцена (*Cthulucene*) (Diseases of the Head, 2020: 188); наконец, завершает это эссе псевдоновостная заметка о последствиях урагана на островах Бермудского треугольника, как-то связанного с первым письмом и результатами глубоководного погружения в том же районе.

В следующей статье «Race and Its Far-Reaching Contemporary Ontological and Epistemological Implication» («Раса и ее далеко идущие современные онтологические и эпистемологические импликации»), написанной двумя авторами — словенской художницей и философом Мариной Гржинич (Marina Gržinić) и ее ученицей, старшей преподавательницей Академии визуальных искусств (SVA) в Любляне Йовитой Пристовшек (Jovita Pristovšek), поднимается вопрос о том, что концепт «расы» важен для жанра «хоррора» и потому обладает определенными онтологическими и эпистемологическими последствиями. Данное эссе разделено на две части: в первой — рассуждения о концепции «некрополитики» а также о попытках придать ей некоторый «оптический» вид, с выделением трех ее характеристик — «вражда, безнаказанность и право на убийство» (ibid.: 198), — которые дальше применяются авторами для исследования кинематографа (в весьма странном виде, похожем скорее на пересказ содержания сюжетов фильмов с сайтов-энциклопедий). Примером такого странного анализа может служить их обращение к фильму «Левиафан» Звягинцева, который, по их мнению, «раскрывает историю, которая столь же мрачна, жестока и brutalна, сколь и свидетельствует о неолиберальной структуре власти в незаконных государствах пост-социализма» (ibid.: 207–208). Во второй части эссе содержатся очень пространственные рассуждения об «ужасе» концепции расы для философии, а также о том, что позиции «до спекулятивного реализма» и после него (среди его адептов) теряют из вида тему расовой политики и ее «ужасающих последствий» — в данном случае «ужасность» уже не является приемлемой или нормативно желательной, а скорее вновь приобретает классическую этическую характеристику, от которой многие авторы сборника старались убежать, восхваляя идеи «ужаса» и поддерживая различные методы его обновления, воссоздания и возвращения его подлинности. Вторая часть эссе о расизме кажется весьма интересной (и ироничной), учитывая то, что Лавкрафт, помимо того что является одной из излюбленных фигур у спекулятивных реалистов, был знатным расистом и ксенофобом (Paz, 2012; Ringel, 2022).

В седьмом эссе данного сборника «Absolute Xenogenesis: Speculations on an Unnatural History of Life» («Абсолютный ксеногенез: спекуляции о неестественной истории жизни») авторства венского философа и художника Экардта Линднера (Eckardt Lindner) представлены рассуждения по вопросам современного неовитализма, нигилизма и искусственной жизни через призму критики кантовской статьи «Грезы духовидца». Последнюю Линднер превращает практически в некую вершину кантовской философии, «разобравшись» с которой, он якобы опровергает весь «рационализм Канта». Помимо самого непонятного (якобы критического) подхода к работе с текстом, Линднер предлагает нормативную максиму о том, что философское мышление должно бродить по «безразличной спекулятивной пустыне» (*Diseases of the Head*, 2020: 255), что в конце статьи расшифровывается как призыв вернуться к алхимической традиции мышления о жизни.

В следующем эссе писательницы в жанре фэнтези и старшего преподавателя кафедры творческого письма и издательского дела в Университете Квинсленда Хелены Маршалл (Helen Marshall) под названием «Survival Strategies for Weird Times» («Стратегии выживания в странные времена») мы вновь встречаем художественное произведение — это рассказ о молодом историке-медиевисте, который хочет взять интервью у популярного автора книг. Хелена Маршалл старалась смыть границу между «реальным» и «спекулятивным» хоррором за счет переплетения элементов ее реальной биографии и вымысла — именно таким образом, как следует из комментариев самого автора после данного художественного текста, достигается необходимая стилистика жанра *weird fiction*. Возможно, самым ценным является замечание писательницы о нашем *Weird Time* (XXI веке), который «до сих пор характеризуется политическими кризисами, фейковыми новостями и экологической катастрофой» (ibid.: 304). Судя по всему, один из симптомов причин обращения к жанру спекулятивной философии и *weird fiction* заключается в глубокой фрустрации по поводу реальности — пессимизм авторов превращается в нарциссический ресентимент по поводу всего, что, по их мнению, ответственно за красивый миф о Море (тут «под раздачу» и попадает Кант), рухнувший после того, как им пришлось повзрослеть. Как следует из заключения эссе, именно в силу такого восприятия понятие странного, *weird*, приписывается самому «Миру» вместо не менее странной оптики авторов таких рассказов (ibid.: 306–310), что в итоге было хорошо проанализировано Зигмундом Фрейдом как психотический бред, который идет «более самовластным путем — через создание новой реальности,

которая уже не шокирует так, как покинутая реальность» (Фрейд, Бовиков, 2006: 379–386). В данном случае показательны слова Розена из введения к сборнику о том, что «критика [Канта и других философов]⁶ основывается на картине вещей, в которой мы не хотели бы обитать» (*Diseases of the Head*, 2020: 20), а также основной тезис Канта в его работе о болезнях головы, передаваемый в сжатом виде так: «психоз представляет собой своего рода уродливый протест против уродливых форм социальности» (Гулыга, 1977: 72). Наследие Канта стало той самой «уродливой формой социальности» (в глазах спекулятивных реалистов), в ответ на которую возникает их симптоматический околофилософский психоз с характерными элементами подмены реальности.

В девятом эссе «*Matrix Pavoris: Material Dislocation in House of Leaves*» («Матрица страха: материальная дислокация в Доме листьев») доцента кафедры сравнительного литературоведения факультета гуманитарных и социальных наук Загребского университета Луки Бекаваца (Luka Bekavac) представлены спекулятивные рассуждения, построенные вокруг книги Марка Данилевски «Дом листьев». Автор утверждает, что благодаря созданному Данилевски в своем романе «небольшому, безликому расширению пространства» именно он должен стать ключевым источником вдохновения для современной спекулятивной мысли (*Diseases of the Head*, 2020: 315–320). Основой для такого восприятия служит специфический «текстологический материализм», который, согласно Бекавацу, гласит, что тексты — это

вещи, объекты, обладающие физическими качествами, определяемыми их связью с материей и сопротивлением легкому и полному преобразованию в восприятие, идею или чистый рассудок (*ibid.*: 332).

Судя по всему, эссе Бекаваца состоит из трех несогласованных между собой частей: попытки дать рецензию на роман Данилевски; идеи совместить нечто, что подходило под идею сборника эссе, в котором оно

⁶Вспомним о замечаниях Розена из начала книги о некоторой смутной неясности современного мира, в силу циркулирования большого ума, и вновь с долей иронии обратимся к ненавистой ему и другим авторам сборника фигуре: «пресловутая неясность (жалобами на которую обычно прикрывают свою собственную лень или тупоумие) имеет и свою пользу, так как все, кто относительно прочих наук хранят осторожное молчание, в вопросах метафизики говорят мастерски и дают смелые решения, потому что их невежество не отличается здесь явно от познаний других, но отличается от тех настоящих критических принципов, о которых можно сказать: *Ignavum, fucos, rescus a praesepibus arcent*» (Кант, Соловьев, 1994b: 16).

и напечатано; и наконец, традиционного для любой кафедры сравнительного литературоведения пересказа связи между письмом и другими вопросами философии в истории мысли через фигуры Платона, Хайдеггера и Деррида. К сожалению, связи, которая дала бы представление об общем пафосе, между этими тремя темами эссе Бекаваца нет — возможно, потому, что оно было составлено из каких-то ранее написанных им текстов.

В следующем эссе «Encountering Weird Objects: Lovecraft, LARP, and Speculative Philosophy» («Встреча странные объекты: Лавкрафт, ролевые игры живого действия и спекулятивная философия») исследовательницы готической литературы и старшей преподавательницы Городского университета Манчестера Хлои Жермен Бакли (Chloé Germaine Buckley) представлен анализ того, каким образом с помощью ролевых игр в реальном времени с элементами сюжетных линий из произведений Лавкрафта, в которых игроки, выбирая роли персонажей-монстров, представляющие собой нечто среднее между онтологическими позициями «человеческого» и «материального», можно было бы бросить вызов западноевропейскому рационализму и антропоцентризму, который Жермен Бакли характеризует как простое человеческое *ὑβρις* (Diseases of the Head, 2020: 362–365). В данном случае за аббревиатурой LARP скрыто понятие *live-action roleplaying*, то есть ролевых игр, проходящих в живом физическом контакте между их участниками. По мнению Жермен Бакли, эмоциональная сторона игр становится основным инструментом для приобщения к сущности философии спекулятивного реализма, а в особенности объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана (ibid.: 385–392). Возможно, в этом эссе автором невольно была заложена более глубокая и понятная идея — спекулятивный реализм и объектно-ориентированная онтология подходят только для развлечений и странноватых ролевых игр у подростков.

В одиннадцатом эссе «Sublime Horror in the Tales of E. T. A. Hoffmann» («Возвышенный ужас в сказках Э. Т. А. Гофмана») поэта, доктора философии из Университета Стоуни-Брук Хамада Аль-Райеса (Hamad Al-Rayes) рассказывается о том, что фигура Гофмана должна стать не менее сакральной для спекулятивной мысли, чем произведения Лавкрафта, так как именно Гофман, по мнению Аль-Райеса, стал первопроходцем в жанре *horror fiction*. Опираясь на музыкальные рецензии, а также произведения из цикла Гофмана «Крейслериана», Аль-Райес старается указать на то, что эстетика Гофмана ничем не хуже любой эстетики философии, а потому она должна обладать точно такой же

нормативной и аналитической силой, чтобы превратить жанр *horror fiction* в полноценную посткантианскую философию (Diseases of the Head, 2020: 428–434). Возможно, одним из лучших комментариев к этому эссе послужили бы слова самого Гофмана из его сборника новелл «Серапионовы братья»:

Смотрите не забудьте самые пышные празднества, которыми радовали берлинцев в те лучшие времена, что вы так превозносите. Тогда на площади Нового рынка дымились костры и лилась кровь ни в чем не повинных жертв, которые под ужаснейшей пыткой признавались во всем, что только могли изобрести глупость и изуверство! (Гофман, Соколовский, 1991: 32)

Очередное эссе сборника имеет название «When the Monstrous Object Becomes a Tremendous NonEvent: Rudolf Otto’s Monster-Gods, H. P. Lovecraft’s Cthulhu, and Graham Harman’s Theory of Everything» («Когда чудовищный объект превращается в грандиозное Не-Событие: Богимонстры Рудольфа Отто, „Ктулху“ Г. Ф. Лавкрафта и „Теория всего“ Грэма Хармана») и принадлежит перу доктора философии, старшего преподавателя публичного права в Университете Монаша в Мельбурне Эрика Вилсона (Eric Wilson). Его научные интересы весьма широки: от криминологии и юриспруденции до сравнительного литературоведения и творчества Рене Жирара. Данное эссе обращается к книге «Священное» Рудольфа Отто, которая якобы как-то повлияла на творчество Лавкрафта (убедительные аргументы и в этой, и в других работах Вилсона тяжело найти), — в каком-то смысле этот жест важен для того, чтобы попытаться создать некое условие возможности «теологии Лавкрафта», что принципиально противоречит идеям создания какого-либо художественного бестиария (о чем, например, частично говорит и сам Грэм Харман в своей вышеупомянутой книге, а потому старается перевести творчество Лавкрафта на секулярный путь толкования). Особенно примечательным кажется сравнение между Ктулху и философией Грэма Хармана в завершении эссе:

Объектно-ориентированная онтология, как и сам Ктулху, радикально неактивна: неустраняемая непоследовательность откровения/алетии сама по себе является неслучайным элементом случайности. Ничто никогда не случается. Я бы даже сказал, что «Зов Ктулху» на самом деле представляет собой литературную притчу об объектно-ориентированной онтологии, мораль которой заключается в том, что антропоцентрическая вселенная онтологически измучена своей подручностью (Diseases of the Head, 2020: 477).

Возможно, та фрустрация реальности, как характерная черта представителей спекулятивной мысли, о которой говорилось выше, как раз и является следствием «состояния Ктулху» у представителей спекулятивного реализма — они неактивны, ждут какого-то «чуда» (мистического опыта) и в несбывшихся надеждах на получение откровения о Реальности возносят свою хулу на человечество в лице Канта, который, конечно же, и в этом тоже виноват.

В тринадцатом эссе британского писателя и исследователя Джона Каннингема (John Cunningham) «Reproducing It: Speculative Horror and the Limits of the Inhuman» («Воспроизводство Оно: спекулятивный ужас и пределы нечеловеческого»⁷) можно наблюдать попытку создания генеалогии понятия «Оно» (*The It*) в русле становления и развития спекулятивной мысли (к слову, никакого отношения к психоаналитическому дискурсу вокруг понятия *Id* оно не имеет). Каннингем указывает на то, что понятие «Оно» важно для спекулятивной мысли, так как «раскрывает высокомерие и иллюзии человечества», а в конце концов указывает и вовсе на то, что человечество является мусорным объектом (*waste object*; *Diseases of the Head*, 2020: 490–493). Стоит обратить внимание на сам стиль эссе — это череда разрозненных и никак не связанных между собой озаглавленных фрагментов (небольших абзацев текста), отсылающих к каким-либо известным (или не очень) артефактам хоррор-культуры, которые Каннингем «перечитывает» так, чтобы добиться нужного ему эффекта. Этот текст в конечном счете также представляет собой скорее вольное художественное произведение, нежели полноценное философское эссе.

Последнее, четырнадцатое (иронично, что оно, как и предыдущее эссе, отмечено в сборнике номером «13» — это либо невнимательность редактора, либо намеренное желание авторов поделить пьедестал права печататься под номером чертовой дюжины) эссе «Horror Vacui ('That Nothing Is What There Is')» («Страх пустоты („Почему ничто есть то, что есть“»)» принадлежит доктору современной мысли (*modern thought*) в Университете Абердина и медиа и коммуникаций в Европейской высшей школе, Юлии Хёльцль (Julia Hölzl). Эссе предваряется тем, что автор снимает с себя всякую ответственность и указывает на «черновой» характер своего текста (*ibid.*: 499). Этот «черновик» построен на

⁷ Или «ингуманного», учитывая принятый перевод-транслитерацию термина «ингуманизм» одного из современных философов спекулятивного поворота Резы Негарестани (Негарестани, Вербичкая, 2021: 1–38).

основе обращений к объемным цитатам из работ Мартина Хайдеггера и Мориса Бланшо, которые должны прояснить особый статус «страха пустоты» (о котором говорил один из участников сборника выше) как аксиоматической точки для всего спекулятивного мышления. Автор рассуждений старается показать, что мысль Хайдеггера о *Dasein* и идеи Бланшо о «первичной сцене» должны раскрыть реальность ужаса «пустоты», из-за чего человеческое отношение к Миру и окружающим вещам должно измениться. Судя по всему, идеалом такого отношения является то, что в синем небе Хёльцль видит только «то самое небо, внезапно распахнувшееся, абсолютно черное и абсолютно пустое» (Diseases of the Head, 2020: 511).

В конце отметим, что ознакомиться с этим сборником стоит — это уникальный образец (артефакт) современной спекулятивной мысли, которая претендует на статус некоторой новой, альтернативной и более «интересной» философии. Еще одной сильной стороной сборника является то, что его не так скучно читать: многие авторы уходят скорее в стилистические изыски, из-за чего страдает их аргументация и философское содержание, однако в художественном отношении их тексты читать все же (относительно) приятно. Переходя к недостаткам и проблемам сборника, позволим далее себе высказаться языком и стилем самых авторов. Объявляемый мифический «порочный круг критики» (ibid.: 27) на самом деле предстает альтер эго не менее порочного круга спекуляций, которые, как видно выше, начинаются с попытки объяснить какие-то «вещи», однако, не имея для этого инструментов, систематически проваливаются и признают свое бессилие — это ли не то состояние ипохондрии, которое диагностировал у себя (а также и у сумасшедшего гостя из кенигсбергского леса) Кант и от которого он стремился излечиться путем своей критики («законничеством ума»)? Что за болезнь блуждает в теле философа-спекулянта и стягивает в нем туманы меланхолии, в результате чего он чувствует у себя все симптомы всех болезней ума? Оборачиваясь на рассмотренные тексты, можно понять, что яростное выступление против призрачной угрозы гегемонии «теории всего», — сама возможность которой при этом отрицается (ibid.: 13–15), однако при этом же параноидально утверждается угроза ее (возможного) существования, — становится некоторым стимулом для спекулятивного письма рассмотренных авторов. В своем основании такое письмо характеризуется утверждением повального и неконтролируемого догматического «делирия» — микробы, пустота, слизь, монстры

подменяют категории и границы «возможного опыта»; идея приверженности принципам эйдетической редукции сменяется навязчивым желанием «забыть Канта», для чего в апостолы привлекается фигура Алена Бадью, нисколько не понятая (и от того страшно опошляемая) ни Розеном, ни другими авторами (*Diseases of the Head*, 2020: 18–19); поэтому и возникает желание отвергнуть если не слово вообще, то уж точно концептуальную и историософскую очевидность «субъекта»; и наконец, само философское письмо подменяется блужданием в языке — горизонтальное измерение приобретает всеобъемлющий масштаб и заполняет собой всякое «вертикальное» различие (Барт, Косиков, 2025: 9–18), в результате чего у спекулятивного письма совершенно точно нет никакого «стиля», а только ряд «партийных» означающих — ничто, пустота, ужас, хоррор, Ктулху, вещь, Абсолют. Все болезни детства философии, которыми она переболела в теле каждого студента философского факультета, расцвели в невиданном масштабе на теле многих авторов данного сборника — и, как и положено ипохондрии, такое состояние доставляет ленивое удовольствие, а потому об «излечении» не может быть и речи. Недаром народная мудрость гласит, что ветрянкой (как и спекулятивным реализмом) стоит переболеть в детстве.

Принцип соединения текстов в сборнике, похожий скорее на бардовское «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», крайне непонятен и странен, как минимум из-за отсутствия точной общей проблематики или хотя бы примерного тематического деления на «блоки», а также из-за пестрой разницы жанров — околофилософские размышления сменяются крайне путанными художественными скетчами. Возможно, именно этого и добивались авторы — симптом вызываемой ими «грядущей спекулятивной философии» (или, как они еще говорят, «передовой философии»; *Diseases of the Head*, 2020: 24) в обряде, подобном ритуалам культистов Ктулху, характеризуется следующим: его бесконечно расползающейся тематикой, не ухватывающей никакой сути «вещей» и «реальности»; целенаправленной неформальностью «стиля» и содержания; кривой «полифонией» голосов, когда большая часть участников такого философского хора не умеет «петь», то есть писать, и потому считает это определенным эмансипаторным началом, выставленным против ненавистного им всем кантовского «законничества», которое стало семейным сервисом академической философии. Ничего грядущего и передового в таком подходе нет — здесь видно пышное разбухание странной метафизики с искренним желанием не-понять Канта (в сущности, никто из авторов сборника, судя по всему, так и не

удосужился действительно проштудировать хотя бы первую критику, а потому они, подобно попугаям, передают между собой известный тезис о корреляционизме у Меяйсу (Мейясу, Медведева, 2015)). По этим же причинам можно констатировать, что содержание сборника не отвечает его изначальному новаторскому и философскому пафосу.

Авторы и редактор «Болезней головы» — судя по всему, честные люди, так как подписались в том, что таковые заболевания им близки и даже желательны (Diseases of the Head, 2020: 19–20), — представили очень сумбурный, странный и временами вызывающий оторопь сборник эссе. Однако справедливым будет заметить, что эти образцы околофилософского письма вызывают хоть какие-то чувства, что уже в определенной мере ценно. По сравнению с безликими и серыми, ежегодно увеличивающимися горами монографий, чтение которых обладает ярко выраженным седативным действием, знакомство с текстами этого сборника не будет баловством и пустой тратой времени и сил, так как сегодняшней академической философии как никогда важно «держать руку на пульсе» — на своей руке, чтобы определить потенциально убийственный приступ и постараться предотвратить его, и на руке призрачного Другого — в том числе и руке не-академической философии, которая показывает внушительные результаты в войне за неокрепшие умы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / пер. с фр. О. Головой. — СПб. : Университетская книга, 1999.
- Барт Р. Нулевая степень письма / пер. с фр. Г. К. Косикова. — М. : Ад Маргинем, 2025.
- Брайант Л. Демократия объектов / пер. с англ. О. С. Мышкина. — Пермь : Гиле Пресс, 2019.
- Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ. Д. Хамис. — Пермь : Гиле Пресс, 2016.
- Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. Серапионовы братья / пер. с нем. А. Соколовского. — М. : Художественная литература, 1991.
- Гулыга А. В. Кант. — М. : Молодая гвардия, 1977.
- Кант И. Опыт о болезнях головы / пер. с нем. Б. А. Фохта // Сочинения. В 6 т. Т. 2 / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1966. — С. 226–241.
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994а. — С. 5–704.

- Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука / пер. с нем. В. С. Соловьева // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994b. — С. 5–125.
- Кюн М.* Кант : биография / пер. с англ. А. Васильевой. — М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Ланд Н.* Сочинения. В 6 т. Т. 1 / пер. с англ. Д. Я. Хамис. — Пермь : Гиле Пресс, 2020.
- Мейясу К.* После конечности : эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. — Екатеринбург, М. : Кабинетный ученый, 2015.
- Мол А.* Множественное тело / под ред. А. Писарева, С. Гавриленко ; пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. — Пермь : Hyle Press, 2017.
- Негарестани Р.* Циклолопедия : соучастие с анонимными материалами / пер. с англ. П. Хановой. — М. : Носорог, 2019.
- Негарестани Р.* Работа нечеловеческого / пер. с англ. С. Вербицкой // Логос. — 2021. — Т. 31, № 3. — С. 1–38.
- Розен М.* Спекулятивный аннигиляционизм : пересечение археологии и вымирания / пер. с англ. Г. Г. Коломиец. — Пермь : Гиле Пресс, 2021.
- Фрейд З.* Потеря реальности при неврозе и психозе / пер. с нем. А. Боковикова // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3 : пер. с нем. — М. : СТД, 2006. — С. 379–386.
- Харман Г.* Четвероякий объект : метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. — Пермь : Гиле Пресс, 2015.
- Харман Г.* Weird-реализм : Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломийца, П. Хановой. — Пермь : Гиле Пресс, 2020a.
- Харман Г.* Спекулятивный реализм : введение / пер. с англ. А. А. Писарева. — М. : РИПОЛ классик, 2020b.
- Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология : новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. — М. : Ад Маргинем, 2021.
- Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М. : НЛЮ, 2010.
- Braidotti R.* Posthuman Knowledge. — Cambridge : Polity Press, 2019.
- Diseases of the Head : Essays on the Horrors of Speculative Philosophy* / ed. by M. Rosen. — Santa Barbara : Punctum Books, 2020.
- Mayr E.* Toward a New Philosophy of Biology. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1988.
- Paz C. G.* Race and War in the Lovecraft Mythos : A Philosophical Reflection // Lovecraft Annual. — 2012. — No. 6. — P. 3–35.
- Ringel F.* Beyond Lovecraft Country : Racism, Xenophobia, New Directions // The Gothic Literature and History of New England : Secrets of the Restless Dead. — London : Anthem Press, 2022. — P. 53–74.
- Wolfendale P.* Object-Oriented Philosophy : The Noumenon's New Clothes. Vol. 1. — Cambridge, MA : MIT Press, 2019.

Bychkov, A. A. 2025. "Filosofskiye boli v golove [Philosophical Headaches]: kriticheskiy obzor na sbornik esse pro uzhasy spekulativnogo realizma pod redaktsiyey M-etta Rozena [A Critical Review of a Collection of Essays on the Horrors of Speculative Realism Edited by Matt Rosen]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (2), 393–414.

ARTEM BYCHKOV

MA IN PHILOSOPHY

VISITING LECTURER

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0003-6635-5920

PHILOSOPHICAL HEADACHES

A CRITICAL REVIEW OF A COLLECTION OF ESSAYS ON THE HORRORS OF SPECULATIVE REALISM EDITED BY MATT ROSEN

ROSEN, M., ED. 2020. *DISEASES OF THE HEAD: ESSAYS ON THE HORRORS OF SPECULATIVE PHILOSOPHY*. SANTA BARBARA: PUNCTUM BOOKS

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-393-414.

REFERENCES

- Badiou, A. 1999. *Apostol Pavel. Obosnovaniye universalizma [Saint Paul: La fondation de l'universalisme]* [in Russian]. Trans. from the French by O. Golova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Universitet-skaya kniga.
- Barthes, R. 2025. *Nulevaya stepen' pis'ma [Le degré zéro de l'écriture]* [in Russian]. Trans. from the French by G. K. Kosikov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Braidotti, R. 2019. *Posthuman Knowledge*. Cambridge: Polity Press.
- Bryant, L. R. 2019. *Demokratiya ob''yektov [The Democracy of Objects]* [in Russian]. Trans. from the English by O. S. Myshkin. Perm': Hyle Press.
- Freud, S. 2006. "Poterya real'nosti pri nevroze i psikhoze [Der Realitätsverlust Bei Neurose Und Psychose]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, trans. from the German by A. Bokovikov, 379–386. 10 vols. Moskva [Moscow]: STD.
- Gulyga, A. V. 1977. *Kant [Kant]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Harman, G. 2015. *Chetveroyakiy ob''yekt [The Quadruple Object]: metafizika veshchey posle Khaydeggera* [in Russian]. Trans. from the English by A. Morozov and O. Myshkin. Perm': Hyle Press.
- . 2020a. *Spekulyativnyy realizm [Speculative Realism]: vvedeniye [An Introduction]* [in Russian]. Trans. from the English by A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- . 2020b. *Weird-realizm [Weird Realism]: Lavkraft i filosofiya [Lovecraft and Philosophy]* [in Russian]. Trans. from the English by G. Kolomiyets and P. Khanova. Perm': Hyle Press.
- . 2021. *Ob''yektno-oriyentirovannaya ontologiya [Object-Oriented Ontology]: novaya "teoriya vsego" [A New Theory of Everything]* [in Russian]. Trans. from the English by M. Fetisov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Hoffmann, E. T. A. *Serapionovy brat'ya [Die Serapionsbrüder]* [in Russian]. Vol. 4, bk. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, trans. from the German by A. Sokolovskiy. 6 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.

- Kant, I. 1966. "Opyt o boleznyakh golovy [Versuch über die Krankheiten des Kopfes]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, and T.I. Oyzerman, trans. from the German by B.A. Fokht, 226–241. 6 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1994a. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A.V. Gulyga, trans. from the German by N.O. Losskiy, 5–704. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1994b. "Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, kotoraya mozhet poayavit'sya kak nauka [Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können]" [in Russian]. In vol. 4 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A.V. Gulyga, trans. from the German by V.S. Solov'yev, 5–125. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- Kuehn, M. 2021. *Kant [Kant]: biografiya [A Biography]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Vasil'yeva. Moskva [Moscow]: ID "Delo" RANKhiGS [Delo Publishers of RANEPa].
- Land, N. 2020. [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, trans. from the English by D. Ya. Khamis. 6 vols. Perm': Hyle Press.
- Mayr, E. 1988. *Toward a New Philosophy of Biology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Meillassoux, Q. 2015. *Posle konechnosti [Après la finitude]: esse o neobkhodimosti kontingentnosti [Essai sur la nécessité de la contingence]* [in Russian]. Trans. from the French by L. Medvedeva. Yekaterinburg and Moskva [Moscow]: Kabinetnyy uchenyy [Armchair Scientist].
- Negarestani, R. 2019. *Tsiklonopediya [Cyclonopedia]: souchastiye s anonimnymi materialami [Complicity with Anonymous Materials]* [in Russian]. Trans. from the English by P. Khanova. Moskva [Moscow]: Nosorog.
- . 2021. "Rabota nechelovecheskogo [The Labor of the Inhuman]" [in Russian], trans. from the English by S. Verbitskaya. *Logos* 31 (3): 1–38.
- Paz, C. G. 2012. "Race and War in the Lovecraft Mythos: A Philosophical Reflection." *Lovecraft Annual*, no. 6, 3–35.
- Ringel, F. 2022. "Beyond Lovecraft Country: Racism, Xenophobia, New Directions." In *The Gothic Literature and History of New England : Secrets of the Restless Dead*, 53–74. London: Anthem Press.
- Rosen, M., ed. 2020. *Diseases of the Head: Essays on the Horrors of Speculative Philosophy*. Santa Barbara: Punctum Books.
- . 2021. *Spekulyativnyy annigilyatsionizm [Speculative Annihilationism]: peresecheniye arkheologii i vymiraniya [The Intersection of Archaeology and Extinction]* [in Russian]. Trans. from the English by G. G. Kolomiyets. Perm': Hyle Press.
- Schaeffer, J.-M. 2010. *Konets chelovecheskoy iskl'yuchitel'nosti [La fin de l'exception humaine]* [in Russian]. Trans. from the French by S. N. Zenkin. Moskva [Moscow]: NLO.
- Wolfendale, P. 2019. *Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes*. Vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press.
- Woodard, B. 2016. *Dinamika slizi. Zarozhdeniye, mutatsiya i polzuchest' zhizni [Slime Dynamics. Generation, Mutation, and the Creep of Life]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Khamis. Perm': Hyle Press.